

ИЗОМОРФИЗМ? ПОЛИМОРФИЗМ? – ИЗОПОЛИМОРФИЗМ!

Результат любого научного исследования будет достаточно прозрачным, если при анализе фактов использовать метод, свободный от субъективизма. В его основе должны лежать наиболее общие предпосылки, позволяющие вывести и развивать категориальный аппарат. На этой базе и формулируются наиболее общие законы Природы и общества.

В системной философии, развиваемой на базе ОТСУ (общая теория систем Ю.А. Урманцева), представлены 16 парных категорий, важнейшими из которых являются: «система и хаос, полиморфизм и изоморфизм, симметрия и асимметрия, устойчивость и неустойчивость, системная противоречивость и системная непротиворечивость, формы изменения и формы неэволюционного сохранения, формы развития и формы неэволюционного сохранения, формы действия и формы отношения» [Урманцев 2001, 28]. Все эти взаимодополнительные категории «общесистемны в том смысле, что характеризуют системы любого рода; фундаментальны потому, что каждая из них прямо или косвенно составляет "ядро" соответствующего общесистемного закона, а также потому, что каждая из них является итогом постижения мира за несколько тысяч лет» [Урманцев 2001].

Симметрия и асимметрия как фундаментальные характеристики языка получили уже достаточно детальное освещение в монографии и ряде публикаций автора, в которых логико-математическим путем были выведены 3 основных типа симметрии на фоне асимметрии, доказаны 16 типов преобразований симметрии и асимметрии, выведены 32 теоретически возможных типа преобразований в рамках парадигмы и реально обнаружены 26 типов переходов и среди них 4 типа сохранения [Карпов, 1992, 2000, 2001]. Тем самым были указаны и направления дальнейшего развития языковой теории, т.к. преобразования находятся в прямой связи с устойчивостью, неустойчивостью, изменением, развитием, противоречиями и непротиворечиями конкретных систем.

Системный полиморфизм был доказан на синтаксисе ядерных и расширенных композиций в виде существования языковых сочетаний, размещений и перестановок [Карпов 1992, 180-186]. Углубление в познание сути математических перестановок позволило доказать и обосновать языковую изомерию на уровне лексики и ядерного синтаксиса. Это доказательство автоматически связано с выводом трех типов изоморфизма – изомерийного, изомерийно-неизомерийного и неизомерийного. Дальнейший анализ сути языкового изоморфизма привел к обнаружению межсистемного изоморфизма. На базе явлений антонимии и синонимии (представляющих разноплановые симметрии и асимметрию) были построены периодические системы генетического и барионного кодов [Карпов 1994].

Спорадическое использование в лингвистической литературе терминов «изоморфизм» и «полиморфизм» в нестрогом приблизительном значении вполне объяснимо двумя фактами. Во-первых, в немалой степени этому способствует некритическое усвоение идей Соссюра, категорично утверждавшего, что «в языке нет ничего, кроме различий» [Соссюр 1977, 152]. Такой односторонний взгляд на любой объект, явление, процесс – усугубляется тем, что на его базе строятся последующие теории, утверждающие саморазвитие языка, в основе которого лежат языковые антиномии, являющиеся постоянными внутренними факторами изменений в языке...

Зададим себе простой вопрос – можно ли построить на одних различиях хотя бы парадигму словоизменения или словообразовательное гнездо? Ответ может быть только отрицательным, т.к. различие может восприниматься и воспринимается только на фоне существования сходства, подобия, в пределе – равенства, неразличимости (симметрии). Ответ на вопрос – может ли язык (представляющий как целость одновременно инструмент-материал-чертеж) саморазвиваться? – также отрицателен. Во-вторых, в лингвистическом энциклопедическом словаре фундаментальные понятия изоморфизма и полиморфизма не представлены в виде отдельных статей. Имеющиеся ссылки на их использование в тексте других статей не позволяют разобраться в их сути: «Методика анализа в дескриптивной лингвистике характеризуется изоморфизмом, т.е. включает на фонологическом и морфологическом уровнях, несмотря на их качественное различие одни и те же основные этапы и операции» [БЭС Языкознание, 130]. Из данного пассажа следует, что изоморфизм характеризует процессуальность в описании объектов, но никак не их свойства. Еще в одной статье

находим, что в ономастике используется «типологический метод, устанавливающий изоморфизм в онимии» [БЭС Языкознание, 347]. Вот все, что читатель может извлечь из этой Энциклопедии о этих двух фундаментальных понятиях.

Цели настоящего исследования: 1. разграничить и уточнить значение каждого из терминов; 2. показать их взаимосвязи; 3. показать направления возможного и необходимого их приложения к описанию лингвистических феноменов.

Рассмотрим два пассажа – «Для лучшей экспликации природы изоморфизма полезно осознать его двойную противоположность полиморфизму: в случае полиморфизма мы имеем дело с *многообразием* объектов **одной** и **той же** сущности; в случае же изоморфизма – с *однообразием* объектов **разных** сущностей» [Урманцев 2001, 27]. Здесь мы расщепляем единое понятие изоморфизма на два отдельных – изоморфизм и полиморфизм лишь для удобства понимания сути явления – это то, что мы выделяем в конкретный момент.

Такой взгляд не противоречит положению о том, что «полиморфизм изоморфичен, а изоморфизм полиморфичен: первый из-за повторяющегося от системы к системе, от полиморфизма к полиморфизму стандартного строя и порядка, наличия одних и тех же системных параметров; второй – из-за многообразия форм изоморфизма...» [Урманцев 2001, 29].

Доказательство этого несложно. Пусть мы имеем некоторое множество объектов: *бить, вить, пить, лить, шить, жить*. Как только мы сталкиваемся с множествами, мы с неизбежностью сталкиваемся с диалектическим понятием *единого* и *многого* как **целого**, ср. канторовское определение: «Множество *S* – есть любое собрание определенных и различимых между собой объектов нашей интуиции или интеллекта, мыслимое как единое целое. Эти объекты называются элементами, или членами множества *S*» [Карпов 2000, 11]. Таким образом, вышеприведенное положение Соссюра вступает в противоречие с теорией множеств.

Полиморфизм начинается с чисто количественного параметра – многое представляют 6 объектов (П1), 6 разных лексических значений (П2), базирующихся на 6 разных начальных асимметриях (П3), где П = разные виды полиморфизмов.

Изоморфизм начинается с наиболее абстрактных категорий принадлежности, переходя плавно к качественным параметрам: все объекты принадлежат языку как системе своего рода (И1), а не к другим системам; все это слова русского языка, а не разных языков (И2); все объекты представляют одну часть речи – глагол, а не разные (И3); все глаголы представлены в форме инфинитива (И4), все они относятся к несовершенному виду (И5), все имеют одну длину (И6) и все имеют одну фономорфологическую структуру (И7), где И = разные виды изоморфизмов.

При трех полиморфических параметрах одних и тех же объектов анализа мы имеем семь изоморфических. Просто при анализе элементов множества, если мы обращаем внимание на различия, то тогда говорим о множестве различий, если же обращаем внимание на сходство, равенство – тогда говорим о единстве. При этом, в первом случае нас не интересует одинаковость, а во вто-

ром – множественность. Но объекты одни и те же и их общее интегративное свойство – изополиморфичность, которая понимается как единство многообразия и многообразия единств.

Второе доказательство изополиморфизма можно провести на единичном объекте. Условимся, что **возможность проведения** мысленной или реальной **границы** в рамках одного исследуемого слова на некотором содержательном основании будем называть **морфизмом**, имея в виду прежде всего именно техническую, деятельностьную, процессуальную суть – возможность деления. Тогда морфизм результатом имеет «многое» – минимум две единицы после деления, что можно назвать этимологическим полиморфизмом. Полипрефиксация и полисуффиксация примеры такого полиморфизма.

Невозможность проведения такой границы в рамках слова будем называть автоморфизмом, или аморфизмом (в словесной расшифровке – делящееся только само на себя, или – неделимое ни при каких условиях) – С, У, ДО, НА, ОТ, – примеры аморфов. Оговорка «ни при каких условиях» не касается слов типа КУ-ДА, ТУ-ДА, СЮ-ДА или КА-К (истор. КА-КЪ, ТА-КЪ, СЯ-КЪ), которые пока никто не членит на морфемы при всей очевидной возможности такого членения и даже отыскания аналогов значений – ДА и КЪ в слоговых языках типа японского [Карпов 1998, 21-25]. В языке происходит свертка информации, что ясно видно на разных процессах – от монофтонгизации дифтонгов до сорбции и аббревиации.

Покажем теперь изополиморфизм на процессе словообразования. Для этого ограничим область анализа одним из типов слов – словами, называющими человека (лицо) по названию страны, государства, континента – испанец, туркмен и т.п. (подобласть). Второе ограничение касается ограничения внутри подобласти – возьмем для начала названия стран и континентов, имеющих формант – -ия (формант мы не равняем с морфемой, хотя иногда они могут совпадать). Часть данных сведена в таблицу.

Таблица 1

Матрица словообразования

Страна	-ец	-уз	нуль-морф	-ыш	-ин	-ок	-ат	-чанин	-нец	-тчанин	-як *
Испания	+										
Франция		+									
Турмения			+								
Латвия				+							
Грузия					+						
Турция						+					
Азия							+				
Англия								+			
Африка									+		
Дания										+	
Австрия	+										+

Можно вполне ограничиться этими одиннадцатью примерами для содержательной трактовки изоморфизма, равного изополиморфизму. Хотя за бортом матрицы остаются – араб от Аравия, швед от Швеция, пруссак от Пруссия, финн от Финляндия, индус от Индия и множество других интересных и отли-

чающихся друг от друга способом оформления слов. Естественно, что разные варианты -чанин, -тчанин (вместо этимологического -јанин) позволяют предполагать, что здесь в исходе могло быть другое слово – английский, датский.

Во всех приведенных примерах мы имеем дело с классическим языковым изополиморфизмом. Что в нашем случае представляет семантику элемента ИЗО-?

1. Часть лингвистического подуниверсума – именно русского языка, а не разных языков.

2. Существительные как один из классов подвергаемых анализу, а не вперемишк представителями разных классов.

3. Один и тот же подкласс и подобласть этого класса.

4. Анализируется один из нескольких языковых процессов – словообразование, а не заимствования, метафоризация, полисемизация и т.п.

5. Все существительные при разнообразии суффиксов относятся к мужскому роду, все они одушевленные существительные, что следует из основания при отборе подкласса.

Перейдем к анализу семантики элемента ПОЛИ-. Что есть множественного?

1. Множество названий стран, отсюда множество дериватов, называющих жителей этих стран.

2. Множество способов их образования, очевидных в силу оформления слов различными суффиксами.

3. Множество структурных способов словообразования – вычитание без прибавления, вычитание с прибавлением т.е. *замещение*.

Практически здесь нет ничего нового, кроме вывода – все эти признаки общности, одинаковости, обнаруженные на множестве объектов и представляют отдельные изоморфизм и полиморфизм в виде целостного фундаментального явления – изополиморфизма, характерного для объектов неживой и живой Природы.

Обратимся к словоизменению. Рассмотрим часть парадигмы существительных мужского рода (единственное число). Понимая под разными сущностями разные семантические значения, мы наглядно убеждаемся даже не в однообразном, а, что будет точнее – в единообразном оформлении их окончаниями.

Таблица 2

Матрица словоизменения

ом	дом	лом	ром	сом	том *	ком *
ом-а	дом-а	лом-а	ром-а	сом-а *	том-а	кома *
ом-у	дом-у	лом-у	ром-у	сом-у	том-у*	ком-у **
ом	дом	лом	ром	сом	том *	ком *
ом-ом	дом-ом	лом-ом	ром-ом	сом-ом	том-ом	ком-ом
ом-е	дом-е	лом-е	ром-е	сом-е *	том-е	ком-е *

Более того, мы можем говорить о конвергенции словоизменения на основе симметро-асимметрии – все слова в таблице имеют точечную асимметрию начал и последующую симметрию остатка. Далее, три последних столбца таб-

лицы представляют конвергенцию качественно иного типа: если симметрию оформления слов в строке можно отнести к разновидности эквивалентности (параллелизм), то эти три столбца вскрывают конвергенцию наложения, представляющую лексикограмматическую омонимию (ср. сом и сома; том и тот; ком, кома и кто).

Так мы плавно переходим к отысканию разного рода изоморфизмов в лексике. Необходимость существования омонимии как системы своего рода и ее типология доказаны логико-математическим путем [Карпов 2001, 24-32]. Это типичный пример изополиморфизма, когда в одной упаковке (оболочке) совпадает несколько значений (минимум 2). Но до сих пор студентам внушается, что «омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться» [Реформатский 1967, 89]. Это снова тот же Соссюр, только в интерпретации А.А. Реформатского. И все это происходит на фоне уже тогда существовавшей критики соссюрианского подхода в работе Р.А. Будагова 1958 года. Приводя точку зрения его последователей, заключающуюся в том, что «...наличие омонимов противоречит дифференцирующей тенденции языка, а сами они являются необычными, неестественными, как бы больными словами (нездоровый нарост на здоровом "теле" языка)», он пишет: «При всей кажущейся убедительности подобные рассуждения по существу своему ошибочны» [Будагов 1958, 46-47]. Если признать, что омонимия = симметрии состава (оболочки) при асимметрии значений (содержимого), то даже до обнаружения химической омонимии остается один шаг. Открытое Клапротом в 1798 году явление полиморфизма, при котором два разных минерала кальцит и арагонит имеют один и тот же химический состав (CaCO_3) – вот точный аналог химической омонимии. Более того, в монографии А. Вермы и П. Кришны находим: «Если раньше полиморфными считались лишь немногие вещества, то в настоящее время не подлежит сомнению, что полиморфизм представляет собой широко распространенное явление и характерен для подавляющего большинства веществ» [Верма, Кришна, 23]. Вот поле деятельности для взаимообогащения и взаимопроникновения наук.

Еще один пример изополиморфизма представляет изомерия, явление, заключающееся в существовании веществ одинаковых по составу, но различающихся порядком следования элементов и в силу этого обладающих различными химическими свойствами. Такое же доказательство и соответствующая типология (изоморфная типологии омонимии) сделаны и для лингвистической изомерии, охватывающей добрую половину лексики русского языка. Но неспецифичность признаков, взятых для построения математической модели (звук, буква, фонема), гарантирует получение тех же самых результатов для всех языков, использующих кириллицу или латиницу. Лексика других языков – армянского, грузинского, арабского, китайского, японского при перекодировании в научных целях на один из указанных алфавитов присоединит к этому результату и все остальные языки мира. Отмечу, что из 8-ми теоретически предполагаемых подсистем подсистема различий одна на фоне 6 подсистем сходств и одной подсистемы равенства. Другими словами, **различие** – всего лишь *частный случай* целостной системы.